
В МИРЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск)

PERSONALIA

Игорь Владимирович Лукьянов родился в 1947 году в семье военного летчика-фронтовика. Отец погиб в 1954 году во время учебных полетов на МиГ-17. В 17 лет пошел работать. Окончил вечернюю школу рабочей молодежи. Служил в армии. Вернувшись на гражданку, работал на фабрике и заочно учился на филфаке пединститута. Около тридцати лет трудится в городской газете. Член Союза журналистов с 1984 года. Вышло десять поэтических сборников. Печатался в журналах «Наши современник», «Молодая гвардия», «Подъем», «Аврора», альманахе «День поэзии — 2009». Член Союза писателей России с 1993 года. Постоянный автор «Приокских зорь»

КОЛОРИТ ПЯТИДЕСЯТЫХ

Зимний день стоит понуро
В окнах деревом седым.
Друг отцовский в белых бурках.
«Беломора» белый дым.

Позади четыре года —
Гибель, горечь, имена.
И хранятся по комодам
Боевые ордена.

Есть пилотам, что припомнить
Из своих недавних лет.
Не галопом над Европой
Прогремел победный след.

Слов немного. Сдвинут стопки.
И раздумчивый дымок.

Вьется в сталинский, высокий,
Капитальный потолок.

ФРОНТОВИК

Фронтовик,
Такая вот
Оказия,
Ты в стране моей
С каких-то пор
Стал герой и победитель
В праздники.
В будни —
Маразматик и старпер.
Ордена твои
Крадет подонок.
Жукова и Сталина
Хулят.
Ты не плачь, старик —
Седой окопник.
Ты еще живой.
Еще — солдат...

* * *

Герой умирал стариком бесприютным.
Герой потерял и семью, и страну.
Он спал. И далекое небо салютом.
На миг сотрясало его седину.

Он мессеры жег, слившись с «аэрокоброй».
От трасс уходил и свои посылал...
Советские звезды пронес над Европой
На крыльях своих. И Берлин штурмовал.

Герой умирал на казенной кровати
Никто рядом с ним ни сидел, ни стоял.
И лишь сердобольный сосед по палате
Порой одеяло на нем поправлял.

* * *

Череда, где-то — радость, то — мука —
Позади. Путь на радость отрезан.
Оценил он реальность и трезвость.
Ясность слова и ясность поступка.

Оценил он прямые решения,
Что нельзя оставлять на потом.
Мало времени! Не-ту вре-ме-ни! —
Саданет по столу кулаком.

* * *

Всегда хватало в жизни проституток:
При всех режимах и при всех властях.
И сколько б ни свистело разных дудок —
Им станцевать под каждую — пустяк.

Они всегда — у времени герои.
Они всегда — на выгодных местах.
Простите их, Великие изгои —
На плахах, в заточеньи, на крестах...

ХУДОЖНИК

Он жил в коммунальной квартире.
Зарплата была не ахти.
Но много он думал о мире
И мир тот хотел сотрясти.

По улице шел он привычно.
Привычно пил чай и курил.
Привычный средь жизни столичной
Привычный средь отчих могил.

Он знал про Христа и Пилата.
Про то, что есть «чаша сия».
Ведомый планидой таланта
Сквозь грешную власть бытия...

* * *

Моложе тебя я — не спорю,
Но возраст годами не меря,
Я старше тебя — по горю,
Я старше тебя — по потерям.

Я старше. Иду по карнизу.
Пока устоял — не свалился.
Я старше тебя по жизни,
Хотя и позднее родился.

* * *

Никого не виню,
Никого не хую,
Что был слеп,
Словно днем сова.
Что с высоким крыльцом
Во глубоком хмелю
Не справлялась порой голова
Как есенинский сторож

В отваге хмельной
Я б замерз на дороге ночной.
Если б не было
Женщины рядом со мной
Богом посланной женщины той...
Той, что мне не лгала,
Не щадила мой бред.
И спасала любую ценой.
И смотрела мне вслед
И смотрела мне вслед
Материнской извечно душой.

ЛЕВ

В зверинце, что на спаде лета
Приехал в городок наш, вдруг
Мне улыбнулся лев из клетки,
Как старый подзабытый друг.

А впрочем мы одной породы.
А впрочем, что не говори —
Он царь зверей, я — царь природы,
И значит, оба мы — цари.

И значит, оба без тумана
Мы принимаем нашу суть —
Что прямо в клетку из саванны
Нам не заказан царский путь...

* * *

Когда словесные шаманы,
Когда алхимики словес
Душонок всякие изъяны
Провозглашают до небес,

Внимают дураки и дуры —
Сплошь либеральные натуры —
С почтением жрецам греха,
Как куры кличу петуха...

* * *

Не суетись — все будет плохо.
Сумей унять в душонке дрожь.
С похмелья под забором сдохнешь
На нары сдуру попадешь.
Не суетись. Как верной стае,
С дороги не свернуть судьбе
Я к этому не призываю —
Я это говорю себе.

Себе — меж выдохом и вдохом...
Застынет грязь. Пойдет снежок...
Не суетись. Все будет плохо.
А, может быть... И хорошо...

* * *

Не хотел я
Обидеть тебя.
Но обидел
Незначай,
как спугнул стрекозу.
Не хотел я
обидеть тебя,
но увидел
эту тихую-тихую
каплю-слезу.
Мне не жалко рыдающих,
шлющих проклятья,
Я не верю истерикам
в их слепой некресе,
Но так больно...
И нету меня виноватей,
отраженному
в горькой
безмолвной слезе...

ИВОЛГА

Прохлада утреннего сада
И водопадом золотым
Льет иволга свои рулады
По кронам свежим и густым.
Ее не видно. Где-то в гуще
Июньских яблонь, вишен, слив
Звучит печально и зовуще
Почти русалочий мотив.
И вдруг мелькнет среди холодной
Листвы, как на солнце на волне.
Какой-то болью первородной
О том, что жив, напомнит мне.

* * *

В час вечерней зари,
Когда тлеет седой костерок,
Когда можно мечтать
Хоть об окуне,
Хоть о Париже,
По реке
Зашуршит,
Засвистит,

Загрустит ветерок.
И заискрятся звезды
Надежною самою крышей.

* * *

Легкий ветер летел с перегона
На асфальт, на пивную, на склад.
На закатные стекла вагона.
На перронных часов циферблат.
Праздник встречи,
Промчавшийся мимо.
Дедов китель. Отцова рука.
Запах шпал. Паровозного дыма.
Привокзального цветника.

* * *

По-старому все в старом мире
С тех пор, как слукавил Адам.
Земля благосклонна к проныре,
Хоть небо грозит: «Аз воздам!»

И к этому каждый причастен
До смерти до самой впритык...
Чего же ты мелешь о счастье?
Заткнись, фарисейский язык.

Владимир Сапожников
(г. Тула)

Я ПОМНЮ — МНЕ СКАЗАЛ ОТЕЦ...

* * *

Я помню — мне сказал отец:
— Чего бы в жизни не случилось,
Не изменяй стране, малец,
Мы за нее на фронте бились...

Отец теперь в сырой земле
Лежит на кладбище далеком...
А тот наказ — всегда при мне,
Без срока давности... Без срока!

ПАМЯТИ ОТЦА-ФРОНТОВИКА

С войны проскрипел на протезе,
Вернувшись безногим домой.
Сбивалась культя от железа
До крови, до раны порой...
Отец все терпел, зубы стиснув....
Лишь ночью от боли стонал...
Уйдя раньше срока из жизни —
В гробу без протеза лежал...
Хоть здесь полегчало немного...
Нет сил больше тяжесть таскать...
В последнюю эту дорогу
Не надо терпеть и стонать.

СМОЛЯНАМ

Потомки викингов, прибалтов и славян
Не убегали в горы с перепугу,
Смолили струги — верные подруги,
И получили прозвище смолян.

Хранили веру, как Успенский храм,
Сойтись в бою любили в честной схватке,
И до чужого не бывали падки,
Но своего не отдали врагам!

Живи же вечно, древний русский край!
Не зарастай безверьем и бурьяном!
Не забывайся в безнадежье пьяном,
И о своих сынах не забывай...

У МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

Убили парня на рассвете,
Всадили очередь в упор.
В его последний миг на свете
От эха вздрогнул тихий бор.
Не по обычью похоронен,
Нет ни надгробья, ни креста.
В семнадцать лет погиб — как воин,
И была смерть честна, чиста.
Вокруг него цветы — букетами,
И он лежит в живом венке.
Деревья, взбуженные ветрами,
По-женски плачут о сынке.
Зарос травой, исчез из вида,
Но вечен в памяти людей
Тот бугорок, как рана скрытая
На сердце Родины моей.

Леонид Адрианов
(г. Тула)

НЕ ЧИТАЕТ СЕГОДНЯ РОССИЯ

* * *

Не читает сегодня Россия
Ничего кроме сплетен и дрызг.
Всюду взгляды вскипают косые.
Всюду слов необкатанных лязг.
Нарастает глухое брожение.
К олигархам почтения нет!
Ой, кого-то сдадут на съеденье!
Ой, кого-то сомнут в цвете лет!

А поэты усиленно пишут,
Но впустую, как правило, в стол.
Их никто не читает, не слышит,
А везде денег злой произвол.
Поднимается в сердце волнение,
Нарушается в пыль этикет.
Ой, готовится счетов сведенье!
Ой, кого-то сведут на тот свет!

Наших книжечек тонкие стопки
Не доходят до русских людей.
Что ль протест поэтический робкий
Переборет клубок ахинеи?
Но настанет в сердцах пробужденье!
Оклемаются анахорет.
Ой, затянется рук обгагренье!
Ой, сломается чей-то хребет!

* * *

Я долго Библию читал.
Я изучал Екклесиаста.
И открывался мне портал
В иное высшее пространство,
Где нету суеты сует,
Где только мудрость и молитва,
Где разливают Небо свет,
Где милосердия палитра.
Там ожидает всех покой —
Грехи простятся, в душах чисто,

И под Христовою рукой
Ни одного нет атеиста.

* * *

Взываем к Господу: «Спаси!»,
А чаще благ житейских просим,
Как будто Он — золотая Осень
Иль в разных шашечках такси.
И не подумал ведь никто:
А вдруг нужна и Богу помощь —
Насущный хлеб и свежий овощ,
А, может быть, к зиме пальто?
Никто Ему не скажет: «На!
Возьми себе чего желаешь
И будь спасен, как нас спасаешь,
А хочешь пить — испей вина!
Коли устал, приди ко мне —
Постлал я чистые полати.
С Тобою если Божья Матерь,
И Ей зажжется свет в окне!»
Зовите Господа к себе,
Ему фигней не докучайте
И сердцем радостным встречайте —
Чего еще просить в судьбе!?

* * *

Оркестрик похоронный
Покойных провожал
Еще во время оно,
Когда я был так мал.
Когда не понимая
Той музыки минор,
Мы, в страхе замирая,
Слетались в старый двор.
Венки и крышка гроба
Пугали детвору.
Плач и стенанья вдовых
Всеяли в нас хандру.
И принимал бульжник
Разбитой мостовой
Ход похорон непышных,
Соседок дружный вой.
Грузили гроб в карету.
Извозчик трогал — но-о!..
Ах, как же было это
Доподлинно давно!

* * *

Что помню я?
Немецкие трофеи —

Машины, танки в поле под Москвой,
Да кавардашки*, что зимою ели,
Да вдовых баб непроходимый вой.
По малолетству вряд ли понимая
Умом тех дней нерадостную жизнь,
Я ощущал Победы праздник в мае
И как немногим удалось спастись.
Ребенок что?

Его всегда накормят,
От лишних треволнений сберегут,
Обувка и одежда будут в норме,
Очаг домашний, ласка и уют.
А какво родителям в те годы —
В разруху, в голодуху, в never more**?
Они стерпели ужас и невзгоды,
Чтоб выжил я судьбе наперекор.

ПЯТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

Сараи.

Голубятни —
С помойкой тульский двор,
И солнца предзакатный,
Хладеющий костер.
Еще летают стаи,
Над городом кружа,
Однако вечер тает,
Хитрюга и ханжа.
Он вроде бы и светел,
Но тьме уж продал всех.
Ушел в курятник петел,
Не вьется голубь вверх.
Усталость обнимает
Окрестные дома.
Жизнь вяло затихает:
Пришла к куме кума.
О жизни посудачив
И вспомнив о войне,
О тех, кто пал, поплачут,
О тех, кто жив — вдвойне.
Они попили чаю,
Ватрушкой закусив...
Вот так и полегчает
Скользящей в сон Руси.

* Кавардашки — оладышки из мерзлой, необранной вовремя в полях картошки. В 1946 году мы ходили и ковыряли лопатой в декабре землю, ища клубни.

** never more (англ.) — никогда больше.

Александр Бывшев
(пос. Кромы Орловской обл.)

СЛУЧАЙ В ПУТИ

Александр Михайлович Бывшев родился в 1972 году в поселке Кромы Орловской области; в 1994 году закончил факультет иностранных языков Орловского педагогического института, преподаватель иностранного языка, автор двух книг; печатается с 1991 года, публикуется в центральных и региональных изданиях, коллективных сборниках и литературных альманахах.

* * *

Неустанных колес мерный гул
Убаюкал меня понемногу.
Я, к стеклу прислонившись, примгнул
И увидел большую дорогу.

В отдаленье стоял человек,
И звучал голос хрипло и глухо:
«Рознь посеял бездушный наш век.
Мы ушли кто куда друг от друга».

Слезы капали по бороде.
Старец звал, руки к небу вздевая:
«Люди русские, братья, вы где?..»
А в ответ — тишина гробовая.

Я, очнувшись, тряхнул головой.
Сердце громко стучало в тревоге.
Пригляделся: то столб верстовой
Одиноко стоял у дороги.

ПРОЗРЕНИЕ

Памяти Юрия Кузнецова

Где ты, русский богатырь, скажи?..
Сжалось сердце от тревог и боли.
А вокруг — ни звука, ни души.
Я один остался в чистом поле.

И казалось — нету больше сил,
Побеждает зло на белом свете.
Я уж было руки опустил,
Но в лицо мне вдруг ударил ветер.

С глаз незримо спала пелена.
Новый свет зажегся на Востоке.
Распрямились плечи и спина.
И земли меня пронзили токи.

Я коснулся троеперстьем лба.
Плыли тучи с Запада, чернея...
Нет, еще не кончена борьба.
Мы еще посмотрим, кто сильнее.

ПРИТЧА

Иван, не помнящий родства,
Покинул отчий дом,
Махнув рукой: «Все — трын-трава!
Гори здесь все огнем!..»

Побрел куда глаза глядят
От горестей и бед.
Когда он бросил взор назад,
Руси пропал и след.

Палило солнце. Шли дожди.
И дни сменяли дни.
Однажды видит: впереди
Какие-то огни.

Сквозь все сгущавшийся туман
Манящий свет мигал.
Тянулись кочки, а Иван
Упрямо вдаль шагал.

И думал: «Наконец-то я
У новых берегов...»
Вдруг из-под ног ушла земля.
И только пару слов

Успел он крикнуть в белый свет:
«О Боже, помоги!..»
И быстро разошлись в ответ
Над грешником круги.

СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА

Поманила дорога-змея
Парня сельского в сказку-столицу.
Променял он родные края
На неоновую небылицу.

Мишурой повстречала Москва
И с усмешкою бросила Ване:
«Никакого тебе волшебства —
Были б только купюры в кармане».

Поглядел тот с разинутым ртом
И решил: «Вот оно — под рукою.
Сколько разных соблазнов кругом...»
И с тех пор он лишился покоя.

Лихо кружит его «Кадиллак»
И ныряет в машинные реки.—
Оказался повенчан дурак
Со «змеей кольцевой» навеки.

Галина Винокурова
(г. Тула)

АННЕ АХМАТОВОЙ
(Из цикла стихов)

По образованию филолог, педагог. Член литературного объединения «Пегас». Публиковалась в пяти сборниках «На крыльях «Пегаса», а также в коллективных сборниках: «Ветер времени над полем Куликовым», «Здравствуй, Тула», «Свет любви», «Отчий край», «Тула — наш дом», во всероссийском журнале «Приокские зори», в газетах Тулы. Известна как автор поэтических книг: «Родник души», «Боль», «Звуки сердца», «Я растворюсь в стихах», роман в стихах «Сергей Беседин».

1

В приневской столице
Ты встретила юность,
Любовью была сражена...
И словно блуднице
Судьбою покорность
На годы тебе суждена...

Слезами омыла
Потерю всех близких,
Боль всех поражений, обид...
Из сердца не вынула
Камешков склизких
И черно-кровавый стыд...

Стыд за свой край,
Покорный и грешный,
Глухой, равнодушный к судьбе...
Ищущих рай,
Вне России, утешный,
Дни проводя в ворожбе.

Сама же осталась в России спокойно,
Сторицей за все заплатив,
И жизнью прямой, не лукавой, достойно
Врагов победила, души не сгубив.

2

Как равнодушно и спокойно
Руками ты закрыла слух,

Чтоб речью черной, недостойной
Не осквернить свой скорбный дух...

Свой скорбный дух в России павшей,
Войной разграбленной дотла...
Где, черной смертью все поправший,
Жизнь предана и не светла...

Где многие заключены в столице,
В кругу кровавом день и ночь...
Приносят в жертву бледнолицей
Детей, не в силах им помочь...

Ты, город на Неве любя,
А не крылатую свободу,
Его красоты сохранила для себя
И все великолепие... природу...

Ты голос слушать мглы не стала,
Хоть сердце рвалось пополам...
Лишь помнила, о чем мечтала,
Людской весь отвергая срам.

3

Я говорю с тобой словами теми,
Что только раз рождаются в тиши,
Что только раз созвучны теме,
Созвучны с настроением души.

Души страдающей, равнодушной,
Вкус знающей вина и слез,
Бывавшей в атмосфере душной
Предательства... и желтых роз.

Души, созвучной так с твоею,
Усталой в мире бесприютном,
Томящейся, пока не ослабею,
Во сне не окажусь вдруг... смутном.

Душа моя так понимает душу
Твою... и горькую, и полную любви;
Печалью сон я не нарушу
И не разрушу святости твои.

4

Ветер ноябрьский снежинками веет,
И засыпает природа...
Все меньше солнца. Дождь часто сеет.
И осложнилась погода.

Как равнодушна ты к этой погоде...
Спишь уже тридцать лет...
А как любила гулять на природе...
Солнце любила, а тьму — нет.

Нет больше горькой души на свете,
Многолетен ее покой.
Нет, не тоскует о солнце, о лете,
Не машет в привете рукой.

5

«Не стой на ветру», — любовь сказала.
Ты ей крикнула: «Уйдешь, умру».
Что-то еще, задыхаясь, кричала,
Стоя, дрожа, на ветру.

Не удержала и не простила
Пыл, непокорность и соль.
Вот отчего слезы таила,
Печальна была, как Ассоль.

Трудно прощать, трудно прощаться, —
Ты этого и не умела.
Но как умела всегда возвращаться
К воротам тюрьмы... как смело...

Как ты умела, как ты умела
Духом не пасть, не злиться напрасно
Даже в годы, когда не смела
Думать о счастье... все было неясно.

Как долгие годы была в летаргии
От муки и боли душевной.
Как долго глядела в глаза другие
В тоске иступленной, тревожной.

Как все же сумела счастливой остаться,
Горела в огне наслажденья,
Порою не ведая, что может статься
С душою... в слезах иступленья.

Николай Бухаринов
(г. Соликамск)

В ДЕРЕВНЕ

Родился и проживает в городе Соликамске Пермского края, работает главным архитектором на одном из заводов города. Пишет стихи и прозу. Публиковался в «Литературной газете», «Московской правде», «Соликамском рабочем», журналах: «Юность», «Московский Парнас», «Приокские зори». Член клуба «Московский Парнас».

* * *

В день тот июльское солнце
Раньше обычного встало
И небольшое оконце
Светом зари обласкало.
Солнечный зайчик в ладони
Сжался пушистым комочком;
Скачут гривастые кони
С пола на спящую дочку.
Спи, моя милая, крошка,
Сколько душа пожелает,
Кружатся столбиком мошки,
Скоро дворняжка залает.
Бабушка встала с рассветом,
Русскую печь затопила;
Слышно на улице где-то:
Кошка на столб заскочила.
Дочка и сын мой в деревне
Детство мое повторяют,
Книжку о славной царевне
В травах душистых читают.
Помню я лето на «Глинке»
С холодной поутру росой,
Как по знакомой тропинке
Бегу по ромашкам босой.
Ждут меня те же березы,
Что в ряд на опушке стоят,
Сильные с ливнями грозы
Все также над ними гремят.

* * *

Иду через поле ржаное,
Рукой колоски задеваю,
Я счастье нашел здесь земное
И сердце свое открываю.
Дышу полевыми цветами
Твоих золотистых волос,
И время, пришедшее с нами,
Коснулось растрепанных кос.
Цветут васильки голубые
В полях моей первой любви,
Мы были тогда молодые,
И страсти играли в крови.
Хотелось бежать без оглядки
До самого света зари,
Сминая морковные грядки,
Быстрее добраться к двери.
Просунуть в отверстие руку,
Поднять задремавший крючок,
Забуть на мгновенье разлуку
И слушать ее каблучок.
Стучит он, в рассвет удаляясь
А мама бранится во след:
«Приходишь под утро, слонаясь,
Тебе уж четырнадцать лет...»
Но я не в обиде на маму,
Тихонько ложусь на кровать.
Немного вздремнуть, и на Каму —
Тебя на закате встречать.
Иду через поле ржаное —
Здесь предки его перешли,
Мне счастье открылось земное —
Смотреть, как летят журавли.

ЭХ, РОССИЯ

Эх, Россия! Мать честная!
Погибать так погибать;
Нет беде конца и края,
Не видать былую статью.
То рубаху примеряем
С чужеродного плеча,
И с него же разрубаем
Правду-матку сгоряча.
Все поля вдруг засеваем
Трын-травой да бельем;
Одно место ж прикрываем
Грязным фиговым бельем.
Отыграли марш заводы,

Нет толпы на проходной,
Не гудят нам пароходы
В тихой гавани родной.
Сам Ясон нам землю пашет
Грозным ядерным быком,
Злой чечен лезгинку пляшет,
Отбивая месть клинком.
Благодарность не забыла
Оживить зерно дождем;
Вся природа нам твердила:
Что посеем, то пожнем.
Эх, Россия! В час ненастья
Быть тебе или не быть?
Нету времени для счастья,
Мать родную б не забыть.

МАМА

Мама родная, я пред тобою в долгу
И, наверное, вряд ли когда-то смогу
Оплатить его жизнью счастливой своей.
Мое сердце от этого бьется сильней
И я в этот день твоего юбилея,
О нашем с тобою былом не жалея,
Хочу пожелать тебе счастья большого,
Которое в истине проще простого.
Оно расцветает, как яркая роза,
И ты, моя милая, входишь с мороза
В светлицу свою, несомненно родную.
Я тоже по розам частенько тоскую
И в мир этот грезовый их улетаю,
А значит живу и тебе пожелаю
Здоровья хорошего долгие годы,
И чтобы прошли стороною невзгоды.
Живи и смотри, моя милая мама,
Как воды несет наша реченька Кама,
Как данную Богом ей самую малость —
Забывать и не чувствовать в этом усталость.
Я снова приду в этот день, дорогая,
Коней своих резвых в поход запрягая,
И ты мне слова подберешь на дорогу,
Как вожжи держать и сказать «слава Богу».
Я в кухне присяду на край табурета
И буду смотреть на огонь до рассвета,
Как бьется в печи нашей русской он вечно,
И думать, как время для нас быстротечно.
А утром уйду в незнакомые будни,
Такой же как все в этой жизни я путник.
Но, где бы ни шел я в любую погоду,
Я знаю — какого я племени-роду,

И то, что ты ждешь меня в сказочном доме,
А я уже где-то спешу на пароме
К тебе переплыть океан или море,
Быстрее поведать о счастье иль горе,
К ногам до землицы склониться до самой
И просто оказать:
«Здравствуй, милая мама!»

АПРЕЛЬСКИЕ ЭТЮДЫ

Шутки ради, вдруг, апрель
Вышел на дороги
И увидел, что метель
Улеглась под ноги.
«Что ты делаешь, зима?
Это несерьезно:
Встань и в даль иди сама»,—
Говорит он грозно.
И пошла она домой
В край далекий, снежный,
Оставляя след каймой
На протайках вешних.

* * *

Слышу радостную трель
За окном апрельских дней;
Во дворе звучит капель
И бежит-звенит ручей.
Это снова к нам весна
В край березовый пришла
И в лучах своих она
Смех веселый принесла.

Людмила Авдеева
(г. Москва)

СВОЙ ПОЧЕРК

Авдеева Людмила Евгеньевна — журналист-международник, поэт, культуролог, член нескольких творческих союзов, в том числе Союза писателей России, Международной федерации журналистов. Окончила с золотой медалью среднюю школу, с отличием филфак МГУ им. Ломоносова, факультет истории театрального искусства ВТО. Автор более 20-ти книг лирики («Сердце на ладони», «Вновь о любви запели соловьи», «Осенние силуэты», «Путь к свободе», «Чаша мудрости», «Ветер странствий» и др.), сборников стихов для детей («Хорошо среди друзей», «Солнечный мир» и др.). Изданы книги и циклы стихов, посвященные странам, в которых Л. Авдеева работала, с которыми связана общественной деятельностью (Иран, Непал, Афганистан, Пакистан, Корея, Турция, Тайвань, Италия и др.). Стихи и рассказы публикуются в коллективных альманахах: «Истоки», «Орфей», «Русич», «На крыльях Пегаса», в издании «От солдата до генерала» и др. Автор сотен статей, очерков, научных культурологических работ в академических сборниках, журналах, трудах института востоковедения РАН. Стихи и статьи изданы на иностранных языках: фарси, английский, урду, арабский, курдский, непали, турецкий, пушту, дари и др.

Руководит на общественных началах несколькими московскими литературными студиями. Песни на стихи поэтессы есть в хоровом репертуаре. Лауреат и дипломант московских и международных поэтических конкурсов, фестивалей искусств. Имеет более десяти медалей: «Ветеран-интернационалист», «За верность долгу и Отечеству», «За вклад в дело дружбы», «Ревнителю просвещения», юбилейная Пушкинская медаль, юбилейная Московской городской организации СПРФ и др. Награждена дипломом «За вклад в отечественную литературу» СПРФ, несколькими дипломами Московского фонда культуры «За духовность, гражданственность, любовь к Отечеству», специальным призом Военной Академии РВСН им. Петра Великого в Санкт-Петербурге и др. В 2008 г. была первой российской поэтессой, приглашенной на Стамбульский фестиваль поэзии Бей-оглу, где получила премию Назыма Хикмета. О жизни и творчестве Л. Авдеевой сняты три документальных фильма студией ИРНА (продюсер Гасеми).

МОЛИТВА О РОССИИ

За здоровье поставлю свечку.
Горячий лоб переkreщу.
Мольбою, просьбой, страстной речью
О милосердии прошу.

Не за себя, а за Россию.
«Отмщение мне и аз воздам».
Как мы смогли, как допустили
Вандалов в светлый божий Храм.

Все на продажу. Честь и совесть
Сегодня просто атавизм,
Но час пробьет, и люди спросят
За всей погибших, за цинизм,

За неудачные реформы,
За обнищание души,
За обещанья для проформы,
За слезы горькие вдовы,

За матерей, за ветеранов,
За не родившихся детей...
Кровоточит, гноится рана
На сердце Родины моей.

Страна нуждается в героях
И надо помнить имена
Гастелло, Кошевого, Зои...
Забвенья горькая трава

Должна быть вырвана с корнями,
Чтоб памяти святой набат
Напоминал, что предки с нами
В одном строю за Русь стоят.

Свеча горит и свет спокоен.
Молюсь за здоровье Руси.
Молюсь, как воин перед боем:
«Отчизну, Господи, спаси!

Дай русскому народу силы,
Спокойно свой продолжить род».
Молюсь с любовью за Россию.
Молюсь с надеждой за народ.

* * *

Немало стран я повидала.
Десятки написала книг.
Аэропортов и вокзалов
Гул суеты в меня проник.
Узнала я Восток и Север,
И европейских стран красу,
Но Родине мой голос верен.
Россию в сердце я несу.

ПОЭТАМ РОССИИ

«Поэт в России больше, чем поэт»
Е. Евтушенко

Поэт в России долго не живет.
Его съедают склоки, зависть, бедность.

Скрывать к чему, и горькую он пьет,
Не для него, признайтесь, и оседлость.

Он странник, путешественник, изгой,
Влюбленный в жизнь, в которой места мало,
Влюбленный в жизнь, которая порой
Его же душит хваткою удава.

Слова уже сливаются в поток,
Чтоб указать поэту на пороки,
Чтоб указать поэту на порог.
России не нужны свои пророки.

«Поэт в России больше, чем поэт».
Вот если б это поняла Россия,
Прибавив каждому, хотя б десяток лет,
Быть может, бабы меньше б голосили

По убиенным. Властелин души —
Поэт, свой голос, получив от Бога,
Направил бы ослабшие умы
На истинную, верную дорогу.

Сумел бы, словом он зажечь сердца.
Разил бы ложь и воспевал свободу,
Но злая правда в том, что не нужна
Поэзия ни власти, ни народу.

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Шепот ветра, лепет листопада,
Тихое рыдание дождя.
За железной тонкою оградой
Очертания монастыря.

Осени таинственна палитра.
Замысел картин ее велик.
Шепчут губы вечную молитву.
У плаща приподнят воротник.

Холодает. Замерзают кисти
Алых ягод на ветвях рябин.
Разгадать бы хоть одну из истин,
Чтоб понять, кто Господом любим.

Смысл жизни, может быть, и взвешен
На весах и спрятан от людей,
Потому так ветер безутешен
Осенью у стен монастырей.

СВОЙ ПОЧЕРК

У жизни свой почерк, свой росчерк пера.
За каждую строчкой и мысль, и душа,
Страдания, дерзания, творенья, успех,
И горькие слезы, и радостный смех.

У жизни свой почерк. А жизнь-то одна.
Неправильный росчерк — и рухнет гора.
Неверная буква, как в сторону шаг.
С накрашенной куклы осыплется лак.

Слетит позолоты фальшивый налет.
У жизни свой почерк. Паденья и взлет
Начертаны в книге судьбы на века,
Но где-то останется росчерк пера

Поэта, художника или швеи,
Ведь чувства и мысли вложили свои
В оттенки всех красок, в строку, в силуэт...
Бессонные ночи в них, ранний рассвет.

Свой росчерк оставить — подарком другим,
На нас непохожим, совсем молодым,
Но чтоб, прикоснувшись к истокам добра,
Они понимали, как жизнь хороша.

* * *

Есть тетрадь, ночник и ручка,
Значит мне уже не скучно.
И бессонница подругой.
С этой круговой порукой

Разложу по полкам мысли —
Размышления о жизни.
Поделюсь с листом тетради,
Мы давно со словом ладим.

Мы давно срослись со словом,
С тем, где смысл всему основа,
С тем, где жизненная сила,
Чтобы сердце не остыло.

ЯСНОПОЛЯНСКИЙ СТАРЕЦ

Подвластны старости тела.
В единоборстве с ней не сладить.
Еще скакун галопом скачет,
Но все слабее стремена.

И холода боясь, усталый,
Закрыв плотней свое окно,
Стареет Гете, знавший славу
И слава, знавшая его.

Вольтер, иссохший, с птицей схожий,
Испишет ворохи бумаг,
Но молодость вернуть не сможет
И будет старцем в шестьдесят.

И в Кенигсбергском старом парке,
С трудом отстукивая такт,
Не узнанным больным прохожим
Проходит жизнь познавший Кант.

И лишь яснополянский старец,
Встряхнув библейской бородой,
Как сбитый на века крестьянин,
Взмахнет наточенной косой.

Травую сочной, ароматной
Наполнена, стоит копна,
И одному ему понятно,
Что жизнь для счастья создана.

ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Памяти Софии Андреевны Толстой

Ах, эта Ясная Поляна,
А ей не ясно. Ей не ясно.
Быть может, не было обмана.
Быть может, ревновать напрасно.

Была легка. Отяжелела.
Была невеста — мать семейства.
Кружилась в вальсе, томно пела.
Теперь в тазах кипит варенье.

Москва близка, но так далеко.
А Петербург лишь в сновиденьях.
Заглушит сад все полувздохи.
Кипит вишневое варенье.

Ответы каждый раз рассеянной.
Сны ночь от ночи суеверней.
Привычно скатерти расстелены.
Привычно собран чай вечерний.

Грубее стали пальцы, жестче.
С кухаркой ссориться не в новость.
Стоит рояль, как в море остров.
Раскрыта на странице повесть.

Все раздражительней, все резче.
Была красива — подурнела.
Заботы, детские болезни.
И словно в молодости, ревность.

Все знает Ясная Поляна,
Но не внесет, наверно, ясность,
Какою непосильной ношей
Была к великому причастность.

* * *

Надеждою взлететь взращен птенец.
Познать себя и мир дитя родится,
Не ведая, что есть всему конец,
Что жизни заполняются страницы
Стремительно. И вереница слов
Слагается в вопросы без ответов...
Но в небеса птенец лететь готов.
Младенец стать готовится Поэтом.

ПОЭТ

Весна надеждами манила.
Любовью ворожило лето.
И пела радостная лира
В руках счастливого поэта.

Подкралась незаметно осень
С дождями, ветром, листопадом.
Поэт стихи писать не бросил.
С задумчиво-печальным взглядом

Склонялся молча над альбомом
И вел со звездами беседу,
А первый снег кружил над домом
И красил волосы поэту.

Он не заметил снегопада
И на подушках угасая,
Весне и юности балладу
Он дописал. В ворота рая
Вошел с улыбкою счастливой.
В руках — перо, бумага, лира.

РУСИЧИ

Нам ли падать, нам ли жалиться,
Нам ли дрейфить перед боем,
Знавшим кнут и знавшим палицу,
Задыхавшимся от горя.

Нам, сносившим боль и зависть,
Чашу выпившим терпенья,
Жить, в печалях задыхаясь,
Задыхаясь от сомнений.

Нам, круги прошедшим ада,
Заглянувшим в окна рая,
Клеветы хлебнувшим яда,
Пряников чужих не надо.

Чужеродных, чужеземных
Поцелуев от Иуды
Не желают наши земли.
Не надеются на чудо

Наши страждущие души,
Наши плачущие очи,
Хоть бессонницею душат
Нескончаемые ночи.

Мы, пройдя войны пожары,
Дни расцвета и застоя,
Все же прожили недаром.
Не пятак с полушкой стоим.

Не сломать через колено
И бревном не бросить в топку.
Возродимся мы из тлена.
Племя стойких, а не робких.

Мудрость пращуров извечна,
Безгранична правды сила.
Добрым делом, мыслью, верой
Государством стань, Россия.

Государством, чтобы стадом
Называть народ не смели,
Чтобы гордость и отвага —
Возле каждой колыбели.

ТИШИНА

Береги тишину. В тишине зарождаются мысли.
В тишине пролистаешь страницы ушедшей любви.
В тишине осознаешь жестокую истину жизни
И поверишь в бессмертье стремящейся к небу души.

Тишиной напоенные нервы, избавясь от боли,
Осознав, что жестокость эпохи смягчить не дано,
Утомленному сердцу подскажут, что лучшая доля
Пить свободу глотками, как терпкое злое вино.

Тишина, как молчанье, что названо златом и цену
Тишине узнаем, вырываясь из шума дождя,
Вырываясь из гомона, гама, болтливости плена,
Припадая к земле и в истоме смотря в небеса.

Тишина отстоится, как влага речная в бутылки
И осядет на дно и усталость, и вечный испуг,
И родится мелодия та, о которой забыли.
В суете бездорожья проявится нежности звук.

Берегите его. Не давайте растаять внезапно,
Чтоб, окрепнув, мелодией стал он в глубинах души,
Чтобы с легкостью юности, с силой пьянящей азарта,
Как коня молодого, надежду схватив под уздцы,

Удержат без корысти, лукавства и приторной лести,
Только мудрости власть признавая и властность любви,
И несущий спокойствие тонкий серебряный крестик,
Принимающий боль и волненья вселенской души,

Чтоб планета, познавшая скрежет железа и пушек,
Волчий вой, смертный крик и отчаянье пролитых слез,
Поняла, наконец, как рассвет ей лазоревый нужен,
Как нужна тишина, окруженная светом берез.

БОЛЬ

Стаей замерших птиц, боль, улетай на юг
И уноси с собой отчаянье и испуг.
Тело, свернись змеей, старую шкуру сбрось.
Дай мне побыть собой, вытащить ржавый гвоздь.
Не распинай, тоска, душу и плоть в ночи
И не лишай ума и не шепчи: «Терпи».
Скомкана простыня. Камнем подушек пух.
Боль, отпусти меня. Перевести бы дух.
Вырваться из цепей, сбросить сомнений плащ.
Боль, улетай скорей под журавлиный плач.

БЫТЬ ХОЧУ!

Быть хочу и не хочу пропасть.
Небо ощущать и землю рядом,
Счастье залпом пить, чтобы отдать
Радостью пронзительного взгляда.

Быт и бытие так далеки.
Разрушенье и полет искусства.
Искушенье трепетной души
Самым высшим даром — высшим чувством.

Не жалеть насиженных углов.
Бросить все. Как головою в омут,
Окунуться в бездну нежных слов,
Улететь, услышав птичий гомон.

Быть хочу! Бунтарский дух силен.
Плеть запретов оставляет шрамы.
Не сдержат удушья страшный стон,
Из последних сил, но выбить рамы.

Быстротечна жизнь. Ушедших жаль,
Но меня, подталкивая в спину,
Жало свое, жизнь, не выпускай.
Не желаю. Не уйду. Не сгину.

Быть хочу. И буду. Вот я есмь.
Тело в землю. А душе — на небо.
Мое слово, мои чувства, моя песнь
Для кого-то станут слаще хлеба.

ПРОЗРЕНИЕ

Сколько за жизнь накопили вещей —
Пищу для моли, ржавчины, тлена,
А нужен был только плащ от дождей,
Кастрюля для щей и в придачу Вселенная.

А нужен-то был только жбан для воды,
Кусок ароматного черного хлеба.
А если без меры — то верность в любви
И Солнце в объятьях бездонного неба.

* * *

Мы стоим на стыке перепутий.
Время, как палач в кулисах сцены,
Что ему до формы и до сути —
Взмах секиры приближает к тлену.
День за днем проходит аксиомой,
Повторив закаты и рассветы
На Земле — мы гости или дома?!
Будем жить, иль просто канем в Лету?!

Сергей Лебедев
(г. Тольятти)

В РОДНЫХ МЕСТАХ

Родился в 1949 году в Рязанской области в семье офицера. Тогда-то и начались мои путешествия по необъятному Советскому Союзу. Поэтому с детства привык считать своей родиной небольшую лесную деревню Югары в Нижегородской области, откуда родом отец и мать.

Окончил в 1972 году Куйбышевский политехнический институт по специальности химик-технолог. С тех пор живу и работаю в городе Тольятти. Ранее практически не публиковался, если не считать публикации отдельных стихов в газетах и в журналах «Книжный клуб» и «Предупреждение». Близки вечные темы — любовь к Родине, отношения между людьми, вера в Бога и состояние души. О том и пишу.

В РОДНЫХ МЕСТАХ

Покинутые избы вдоль дороги,
С глазницами пустыми вместо рам,
С полыньёю, лебедою у порога,
Давно, как мертвые, не имут срам.

Через дорогу кладбище с крестами
Среди могучих елей и берез,
Поросшее травой и кустами,
Уже не ждет рыданий, слов и слез.

И как прощенье всем давно умершим,
Стоит на горке деревянный храм,
А на него с небес сошедший,
Струится дивный свет по куполам.

Быть может, это Родиной зовется?
Тогда о чем грустит душа моя?
И почему же мне легко поется,
Когда гляжу на лес, озера и поля?

Покинутые избы вдоль дороги,
И наклонило кладбище кресты,
И на иконах в храме лица строги...
Прости нас, Родина, прости.

Уходит Русь в нескошенные травы,
И не прощает нам она,
Поклоны перед импортной отравой,
Забывшие родные имена.

ПРОЩЕНИЕ

Срубовая церковь возле кладбища
Пахнет свежей елью, словно бор,
Помянуть родных, товарищей,
Я зашел, перекрестясь, в притвор.

Осмотрел вблизи церковный ящик,
Свечи взял, монету опустил,
К кораблю прошел молящихся,
Каждый о своем Отца просил.

А с иконостаса величаво,
Мудро, с человеческим добром
Взгляд Христа, а рядом, справа,
Николай Угодник в голубом.

В прошлом веке, в тридцатых годах,
Этот храм Николая Угодника
Был разрушен иудами в прах,
Может быть, не любившими Родину.

И камней совсем не оставили,
Поднимая руку на храм,
Растащили его, разграбили,
Не боясь за измену и срам.

Церковь новая возле кладбища
Пахнет елью, сосной, словно бор,
Как святыня стоит, а не капище,
И прощает российский позор.

И в глаза Николаю Угоднику
Я смотрю, а в душе трепещу,
И за всех, не любивших Родину,
Я в прощенье поставил свечу.

УТРО НА ОКЕ

Горы, сосны, буераки,
Ивняки по берегам,
Среди сосен бродят страхи,
Рык звериный тут и там.

И волны крылом касаясь,
Чайки стонут над рекой,
На песок, сбиваясь в стаи,
Будят утренний покой.

Сквозь туман седые ивы
Смотрят в зеркало воды,
Шепчут каплями игриво
На зеленый шелк травы.

Просыпаются поляны,
Птичий гомон, пересвист,
Из-за леса солнце глянет,
И осушит ивы лист.

* * *

Я не привык жалеть о невозможном,
Но признаюсь сейчас перед тобой;
Что я завидую умению художников,
Так не хватало мне его порой.

Накат волны, простор и Середыш,
Свободное течение реки,
Когда на Волгу с трепетом глядишь,
То не хватает кисти и строки.

Николин ключ в лесах у Городца,
Среди столетних елей в тишине,
Как не понять величие Отца,
Не отразить прекрасное в холсте?

А в тишине, с горы Соборной, Плес
Не раз воспел в картинах Левитан,
С вершины этой я в душе увез
Любовь к тем сказочным местам.

Мещерский край в Касимовском районе
Открылся с колокольни на Оку,
И сочный лес в слезах дождя не тонет,
Картину вечную я в сердце берегу.

И что жалеть порой о невозможном,
Того, что не хватает нам с тобой,
Не написав картины, как художник,
Я это все запечатлел строкой.

НА ТЕПЛОХОДЕ

Белыми барашками из стада
Разбежались волны по Оке,

Ничего мне, милая, не надо,
Счастлив я пейзажем на реке.

Тучи хмурят небо надо мною,
И Ока спешит из этих мест,
Зарастился берег тальником, сосною,
Вдруг среди деревьев вижу крест.

Облупились стены старой колокольни,
Крест из-за деревьев смотрит на восток,
От картины этой стало грустно, больно,
И внезапно в горле у меня комок.

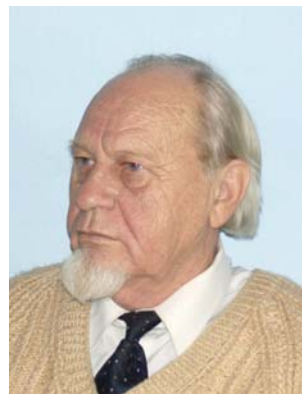
Заросла дорога вербою у храма,
Даже нет намека на жильё людей,
И напрасно волны бьют в песок упрямо,
Кое-где остались лишь следы зверей.

А над храмом дует только ветер вольный,
И какой нам будет от него завет?
Долго из-за леса зрима колокольня,
Словно аркой звона смотрит она вслед.

Среди волн игриво бегают барашки,
Ну, а от пейзажа загрустил я сам,
Над рекою тучи — черные монашки,
Тихо и печально слезы льют на храм.

Евгений Пахомов
(г. Элиста, Калмыкия)

«ТЫ ЖИВ, ТАК РАДУЙСЯ, ХАЙЯМ...»

18 мая 2008 года исполнилось 960 лет Омару Хайяму, одному из выдающихся поэтов Средневековья. Имя его известно каждому образованному человеку как на Востоке, так и на Западе. Достаточно сказать, что в Англии по количеству цитируемых строк из стихов Хайяма, он стоит на втором месте после Библии.

Родился Омар Хайям в городе Нишапуре, тогда это была область Хорасан, а сейчас территория современного Ирана. Окончив медресе, он отправился за счастьем сначала в Бухару, потом в Самарканд. Время было беспокойное. То здесь, то там вспыхивали военные мятежи против завоевателей — Великих Сельджуков. Но Хайям стремился к знаниям. Он изучал математику, астрономию, медицину. Постоянного места жительства у него не было. Жил где придется. Иногда ночевал в палатке, которую ему подарил один купец. Постепенно за ним закрепилось имя Хайям, что в переводе означает: «человек, живущий в палатке». К тому же Хайям всегда стремился к независимости, в диспутах и научных спорах, разгорячившись, мог сказать лишнее. Отсюда его скитания в поиске истины. Со временем он стал сдержаннее, но это было потом, когда ему был присвоен титул, звучащий буквально как «Доказательство Истины».

Сельджуки тем временем укрепляли свою власть на всей огромной территории юго-западной Азии, сделав основной идеологией государства ортодоксальный ислам, где власть и суды при вынесении решений использовали Коран, и толковали суры на все лады. В эти годы появились тысячи толкователей Корана, которые зарабатывали на этом себе хлеб. Ничего удивительного в этом нет. На захваченных территориях ислам в большинстве случаев был новой религией. И местным феодалам, малосведущим в тонкостях толкования сур, ничего не оставалось, как обращаться к знатокам. Хайям обладал феноменальной памятью и многие суры из Корана знал наизусть. Поэтому его взял к себе помощником судья города Самарканда Абу-Тахир. Через некоторое время Омар оказался при дворе местного предводителя, где знания были как нельзя кстати. В это время по всей империи разъезжали люди султана в поисках ученых и специалистов. Султану великой империи для укрепления государства нужна была развитая наука. Так Хайям оказался в Исфахане — столице Великих Сельджуков. Его благосклонно принял главный визир Низом Аль-Мулк, который остался доволен знаниями ученого и представил его султану Малик-шаху. Хайяма назначили руководителем новой обсерватории. Ему было поручено разработать солнечный календарь, взамен устаревшего лунного. Календарь получился на славу. Достаточно сказать, что он точнее современного в 3000 раз. Помимо календаря Хайям открыл кубические уравнения. Позднее их открыл Ньютон — и называются они Бином Ньютона. Из известных философских трактатов Хайяма до нас дошли 15. Четверостишия-рубай — это тоже открытие Хайяма. Насколько многие не знают о его научной деятельности, настолько же остальные знают о нем как о по-

эте, стремящемся развеять земную тоску и уныние. Скепсис оптимиста полезен во все века.

*Что там за ветхой занавеской тьмы,
В гаданиях расстроились умы,
Когда же с треском рухнет занавеска,
Увидим все...— как ошибались мы.*

После убийства Великого визира террористом-ассасином и неожиданной загадочной смерти султана Малик-шаха жизнь Хайяма при дворе стала трудной и небезопасной. Он покинул двор великого султана, но ему продолжали угрожать наиболее рьяные исламисты, так как в отдельных четверостишиях поэт был явно не на стороне религиозных постулатов. В конце концов Хайям решил отправиться паломником в Мекку. Это спасло его от расправы. После совершения хаджа он перестал общаться со своими учениками и вел затворнический образ жизни. Умер Хайям 4 декабря 1131 года в возрасте 83 лет. Но его рубаи до сих пор совершают свой хадж по всему миру.

*От безбожья до Бога — мгновенье одно,
От нуля до итога — мгновенье одно,
Береги драгоценное это мгновенье.
Жизнь — ни мало ни много — мгновенье одно.*

*Будь милосердна, жизнь, мой виночерпий злой!
Омар Хайям*

ВОСПОМИНАНИЕ О НИШАПУРЕ*

Закрой глаза,
И снова мир взглядишь,
Бунтует он грядущими веками,
Движеньем точным продолжает жизнь,
Сомненьем вечным существует с нами.
Где поднималась крепкая стена,
Там пустота зияющим провалом.
Но ты взглядишь,
И там уже видна пылинка,
Что является началом.
А за спиной,
В густом дыму руин,
Мой дом и сад.
И память об отце.
И на чело спустилась без причин
Пылинка,
Что является в конце.

В 1054 году в созвездии Тельца вспыхнула сверхновая звезда. В течение месяца она было видна даже днем, и через два года она исчезла бесследно. На этом месте образовалась Крабовидная туманность. Омару Хайяму в ту пору было 6 лет.

* Нишапур — город в Хорсане, родина Омара Хайяма.

* * *

Когда в созвездьи ас-Саура*
Зажглась сверхновая звезда,
По трактам, бесконечно хмурым,
Пошли могучие стада.
Глядели на звезду с опаской
Предгорий древних пастухи,
Глядели на нее подпаски,
Молясь за прежние грехи.
Стада тянулись вдоль долины,
Быки шагали, не спеша.
Спешили женщины к мужчинам.
Тянулись бабки к малышам.
Звезда рассеялась беззвучно,
Не сделав никакого зла.
И стало на дороге скучно,
Как после праздного стола.
Она исчезла, словно зайчик
От расколовшейся слюды,
И долго беспокойный мальчик
Искал в мирах ее следы.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

В тиши ночной,
Где воздух чист прохладой,
Цикады затихают утомленно.
А в глубине
Таинственных созвездий
Мелькают метеоров мотыльки,
Баюкала судьба Омара:
«Мой маленький мудрец
В огромном мире,
Смотри,
Как в черном океане плещут
Галактик обнаженные тела...
По волнам вечности
Несутся в даль слепую...
Но берег бесконечности им в тягость —
Они вернутся к дому своему.
В круговороте всяком
Есть причина.
В слияньи сфер
Смещение неизбежно,
А потому движение Вселенной —
Всего лишь способ
Обновленья,
Отжившего во времени пути.
И ты — частица этих обновлений —

* Ас-Саура — бык, телец (перс.).

Мой маленький мудрец
В огромном мире».
И утомленный песней полновзвучной,
Во сне мечтал он
О всеильном свете,
И мириады звезд к ногам летели
Бессмертной песней Млечного пути.

* * *

На плоской крыше
Жухлая трава,
Окаменела и распалась глина,
И где пылит безводная долина,
Веселая мелодия жива.
Ее частенько напевала мать,
И я старался напевать негромко,
Когда она укладывала спать
Омара — беспокойного ребенка.
Здесь надо мною
В прорези окна
Мерз паучок
Прозрачную снежинкой,
И уплывала за дувал* луна
Единственно белой половинкой.
Аллах по небу звезды рассыпал,
Курился Млечный путь над головою,
И медленно Вселенную качал,
Как колыбель,
Всесильный страж покоя.
Была война, катились мятежи.
Мать умерла,
Погиб отец в неволе.
Без гнезд снуют печальные стрижи,
И люди от нужды уходят в поле.
И я ушел,
Покинул отчий дом,
Под слоем пыли
След мой, затаился.
И детский мир
Уснул здесь сладким сном,
А новый в испытаньях народился.

СИРОТСТВО

Летят ромашки облаков,
Шумит весенний цвет,
Среди слежавшихся песков
Пролегал знакомый след.

* Дувал — глинобитный забор.

Яр* пробежала к ручейку,
Сомкнулись камыши.
Прижался к слабому плечу
Твой маленький кувшин.
А я настойчиво ищу
Средь трав лукавый взгляд.
Найду тебя и отомщу,
Как было год назад.
Я обниму тебя тайком.
Ты, вздрогнув, замолчишь,
Потом умчишься босиком
И этим отомстишь.
Так здесь играли мы вдвоем
В пятнашки при луне,
И проходили день за днем,
Как в детском ясном сне.
Но лишь стрекозы по утрам
Чуть крыльями блеснут,
Мы расходились по домам,
Где нас давно не ждут.
Удел сирот —
Свой дом искать,
А если повезло, —
Любить,
Любимому прощать...
И ненавидеть зло.

Размышления о жизни ученого, изгнанного из родных мест, и обреченного на долгие скитания, но в скитаниях и заблуждениях находил ученый муж зерна истины. Он погиб при переходе через соляную пустыню.

* * *

Солона земля пустыни,
Горек запах полыней,
По распадкам черных линий
Не журчит давно ручей.
У китайского верблюда
Сил не хватит,
Чтоб пройти
Солью выжженное блюдо,
Что застыло на пути.
Одногорбый в море пекла,
Будто выцветшая тень,
Он идет дорогой блеклой
День и ночь
Который день.
Миражи пустынной ночи,
Звезды дремлющей рекой.
Мир в движении непрочен,

* Яр — любимая

Как непрочен сам покой.
Где-то в райских очертаньях
Среди гурий лишь одна
Для тебя откроет тайну
Легкой горечи вина.
Там в прохладе,
Утомленный,
Вдруг припомнишь мир и лог,
След, слезами окропленный,
И могильный бугорок.
Там, среди дороги бренной
Старший друг, устав от дел,
Полог, вышитый Вселенной,
Так поднять и не сумел.
Без пристанища, в разлуке,
Все пытался обойти
Человеческие муки,
Словно вехи на пути,
Чтоб добраться до истоков
Звездных блещущих путей,
Чтобы мир забыть жестокий,
Что живет в умах людей.
Что там, в дальнем океане,
Непонятном и родном?
Он зовет тебя и ранит
Скрытым в сути бытием.
Что за ветхой занавеской?
Много пищи ль для ума?
Или снова месть в отместку
И безвинному вина?
Сколько свитков прошуршало...
Вязь твоих бесценных слов
Их срастила и связала
Сложной истиной основ.
Мир, оставленный тобою,—
Золотистой мысли нить
Свяжем с нашей бечевою,
Чтобы занавес открыть.
Пусть осталось очень мало
Бескорыстных делу слуг.
Нас Вселенная вращала,
Как гончар привычный круг.
Шло несчастье за несчастьем...
Сколько гибло на веку...
Жернова страстей и власти
Превращали соль в муку.
Хлеб, замешанный на соли,
Будто каменный пирог,
В нем твоих страданий доля
И друзей моих итог,
Позади опять пустыня.

Что нас ждет в иных краях?
Или время приподымет
Полог,
Чтобы спрятать прах?
Или дали нас отринут
И вернут к родным местам?
И труды, как реки, сгинут
И примкнут к солончакам.
Нет, что истинно, то свято...
Там, за занавесью тьмы,
Мир восходов и закатов,
Мир без страха и вины.
Не обидит слабых сильный,
Он придет, желанный час,—
Там за занавесью пыльной
Мир, уже открывший нас.
У Хайяма нет сомнений —
За холодной пеленой
Мир грядущих поколений
Не забудет нас с тобой.
Не забудутся уроки,—
Тяжкий след былых причин...
Чтобы не был мир жестоким,
К новым истинам, Хаким.

Галина Беспалова
(г. Москва)

ЖУРАВЛИКИ НЕСБЫВШЕЙСЯ МЕЧТЫ

Поэт, прозаик, член Союза писателей России. Родилась в Ульяновской области. По образованию – филолог и психолог. Около двадцати лет преподавала литературу в родной сельской школе. В настоящее время живет и работает редактором литературно-художественных изданий в одной из столичных типографий.

* * *

Стихи свои не жгите —
ведь сгорят.
И не губите
вязь словесных кружев,
как беззащитных
слепеньких котят
хозяин хмурый
топит в грязной луже.
Разгладьте ровно
мятые листы,
Сложите на коленях
оригами...
Журавликом
несбывшейся мечты
пусть воспарят стихи
над облаками.

ОН ЖИЛ ОДИН...

Он жил один. Был тощ и нездоров,
надсадно кашлял дымом самокрутки,
но на деревне — в сотни две дворов —
был первый балагур и прибаутник.
И с нами — «конопатыми» — шутил.
Меня забавно называл пацанкой,
а если выпадало по пути —
подсаживал верхом на Молдаванку.
И с высоты пастушьего седла
смотрела я, счастливая малявка,
как покататься очередь росла —
бежали рядом Колька, Мишка, Славка.

Он был один для нас — всеобщий дед —
для сельской ребятни шестидесятых,
чья деды из военных давних лет
смотрели с фотографий, в рамки взятых.
Свистульки вырезал нам из ольхи,
сбивал ходули каждому по росту,
воробышка, что выпал со стрехи,
он возвращал в гнездо — легко и просто.
Запомнилась шершавая ладонь —
он гладил нас по встрепанным макушкам.
И грустный вздох, как приглушенный стон:
«Бездедовщина... Эх, едрит на мушку!»
Но раз в году, когда фронтовики
победным майским днем при всем параде
шли в новый клуб, сидел он у реки,
потом надолго запирался в хате.
Все знали: на войне он был в плену,
а после «искупал вину» в ГУЛаге.
Вернулся — не застал в живых жену,
лишь дом пустой тулился у оврага.
И умер он в одну из годовщин
им «не заслуженного» дня Победы.
Не дотянул всего лишь год один
до весточки, мотавшейся по следу,
что орден боевой еще с войны
Героя поджидал в архивах где-то.
И нет ничьей, как водится, вины...
и человека...
Человека — нету.

ЛЮБИМОМУ ОДИННАДЦАТОМУ

Этот сон является давно:
Шум листвы и аромат сирени,
На полу играют светотени,
В майский день распахнуто окно.
Белым мелом тема на доске —
Что-то там... о будущем, о счастье.
Лучик солнца — зайчик рыжей масти
Вдруг скользнул и замер в уголке.
В классе воцарилась тишина.
Робко ветер шелестит журналом —
Силится запомнить запоздало
Всех моих ребят по именам.
А они... склонились над столом —
Так сосредоточенны их лица,
Будто в яви, будто мне не снится,
Вижу каждого. И знаю, что потом.
А потом... мир — словно кувырком,
От реалий никуда не деться,

Мальчики шагнут в Чечню из детства.
Ни прикрыть, ни спрятать под крылом...
Если бы вернуть тот майский день!
Он и был поистине счастливый:
Все со мной, и все ребята живы,
И цветет за окнами сирень.
Если бы вернуть тот майский день...

СВИДАНИЕ

День февральский плачет по теплу,
с улицы в уют жилья стучится,
размалевывая по стеклу
панораму утренней столицы.
И в багете тусклого окна,
растекаясь акварельной дымкой,
утопают в пасмурных тонах
полусонные дома Ходынки.
Отложу свиданье на потом,
наугад открою томик старый...
Ну, а Он, озябший, под дождем
одинокó мокнет в зимней хмари.
Нет, поеду! У метро букет
самый лучший выберу для встречи.
Издали узнаю силуэт:
головой наклон, осанку, плечи.
Длинный плащ накинут нараспах,
бусинки дождинок — вдоль опушки.
Капельки в кудрявых волосах...
Я люблю Вас,
Александр Пушкин!

Кирилл Усанин
(г. Москва)

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ДРУГУ

Кирилл Усанин впервые публикуется в «Приокских Зорях». Прозаик, поэт, член Союза писателей СССР. Автор семи прозаических книг. В этом году вышел поэтический сборник «Моя маленькая. Надежда». Регулярно печатается в «Московском Парнасе», награжден медалью имени А. А. Чехова.

* * *

Крапива в пыли придорожной.
За крапивой — заброшенный сад.
И на сердце — горько, тревожно,
И мысли размыты, не в лад.

Хозяина нет. На погосте
У дальней ограды лежит.
Я стал неожиданно гостем.
Об этом мне сад говорит.

Об этом крапива мне шепчет,
И пыль оседает в груди.
На душе не становится легче,
Что жизнь еще впереди.

Ведь нету заветного друга.
Остался заброшенный сад.
И как из смертельного круга
Мне оглянуться назад?

В те годы, что молоды были,
И малина росла выше плеч.
И в саду мы гуляли и пили,
И себя не умели беречь.

Одного в этой жизни хотели:
Увидеть свой край весь в цвету,
И любимых ласкать в постели
Чтоб понять до конца красоту.

Мы увидели это, но поздно:
Стрелой пролетели года.
То, что было и есть, невозможно
Нам вернуть никогда, никогда...

Нет, не верю! Не верю я больше!
Я — вернулся! Ты — слышишь меня!
И продлится Судьба наша дольше
И этого века, и этого дня.

Я вернулся! И не станет крапивы,
И не будет заброшенным сад!
Я здесь! Я с тобою! Мы живы!
Есть дорога обратно, назад!

ЗАКЛИНАЮ

Жить пресной жизнью не хочу —
Пусть будет больше соли.
И только лишь тогда смолчу,
Когда не нужно предисловий.

И не хочу я быть в тени —
Пусть будет больше солнца.
Ты с высоты на мир взгляни,
А не из тихого оконца.

И не боялся я погони —
Навстречу первым выходил.
Меня носили в детстве кони,
Да и сейчас хватает сил.

Хватает сил, чтоб не сломиться,
Чтоб на своем всегда стоять.
И только пыль за мной клубится —
Я не приучен догонять.

Я лишь одно имею право —
Обязан дружбой дорожить.
Она священной мне, чем слава.
Без славы можно честно жить.

И только божеским законам
Вверить до смерти жизнь свою.
И если буду вдруг закован,
Я песнь свободы пропою.

Мне жизнь другая не годится.
Готов к борьбе я поутру.
Пусть до конца душа стремится,
Где все живое на ветру.

ПРИЗНАНИЕ

Когда я засыпаю, только тогда я живу
Николай Черкасов, артист

Я живу лишь когда засыпаю.
И я вижу спокойные сны.
Я люблю, негодую, спасаю,
И я весь на виду у страны.

И уверен, что все остается
Тем людям, с которыми жил.
И сердце по-прежнему бьется,
И в душе много веры и сил.

И были не просто лишь роли.
Я судьбою своей проживал.
И радости были, и боли,
И надежду я людям девал.

Только знаю, что люди не в силах
Меня от врагов уберечь.
Мне их жаль, доверчивых, милых,
Мне близка их народная речь.

Но враги оказались сильнее —
Без театра я и без кино...
Враги пострашнее, чем змеи,
Ведь знают, что сердце — одно.

И не выдержит сердце всей боли,
Что скопилась с годами в душе.
И все ж не жалею я доли,
Что выпала в жизни лишь мне.

Но только мне горько, печально,
Что так я с собой поступаю.
И всем говорю я прощально:
Я живу лишь когда засыпаю...

Владимир Резцов
(г. Тула)

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЛЮБВИ

* * *

Ты стройна и гибка, словно ива,
И до боли сердечной красива.
Там, где речка играет, бурлива,
Ты игриво полощешь белье.

Нет, я мимо такой не проеду!
Пригласи, моя прелесть, к обеду!
За картошкой и щами беседу
Поведем про жильё и былье.

А когда опустеют тарелки,
После чарочки доброй горелки
Мы с тобой поиграем в горелки,
Ведь горелка тебе не вода!

Будут ночи безумны и жарки,
Позавидуют сестры, товарки...
А потом я уйду на байдарке,
Но останусь с тобой навсегда...

Александр Хадарцев
(г. Тула)

ЦЫГАНУ

Еще вчера года бежали рысью,
а нынче их аллюр — уже галоп!
Но мы от этой скачки не зависим,
и не даем себе команду: «Стоп!»

Пока далек по жизни хмурый вечер,
о днях рожденья будем вспоминать,
как о предлоге для застольной встречи,
чтобы друг друга завтра узнавать!

Все те же мы — оседлые цыгане.
Но дым — костровый, таборный вокруг!
Нас бубна звон в постели не застанет!
Гитары стон, как прежде, верный друг!

Хмелит недостижимая свобода!
Налог на вольность — с каждым днем растет!
Взрослеют внуки — продолжение рода...
Ну, а весна — по-прежнему цветет!

И пусть не юбилейный день рожденья!
Нам каждый год теперь, как юбилей!
Мой тост за истин жизни постиженья!
Удачлив будь, цыган! И — не болей!

ВЕСНА

Ласкает солнцем майский день,
неся душе покой...
От зелени деревьев тень
лежит на нас с тобой...

Выводит нежно саксофон
мелодий тихий стон...
Плывет по Туле вальс-бостон
в наивности времен...

Фонтан прохладой брызжет ввысь
под хохот пацанов...
Нырнуть в простую эту жизнь
любой из нас готов...

Салатом маечки света,
бежит навстречу внук!
И это светлое дитя —
важнее всех наук!

НЕ ТЕ

Твои глаза, как амбразуры дота,
готовые пожаром полыхнуть.
И мужики (беспечная пехота)
под их сиянье подставляют грудь.

Вот так и я — на твой огонь рванулся,
усеяв путь остатками ума.
В последний миг нечаянно споткнулся,
а дальше все — ты видела сама.

Твои глаза, как вечные стоянки
моей любви усталых каравелл.
Конец всему давно пробили склянки,
но им не верит старый корабел.

Кого-то ищет, вглядываясь в море,
кого-то ждет в чернильной духоте.
Ударам сердца волны тихо вторят,
а мы с тобой давно уже — не те....

МОЗАИКА

Осень — лета завершение,
провозвестница зимы,
света белого крушение,
предвкушение тайны тьмы.

* * *

Для нас безверие — химера.
Год високосный выпал вновь,
в нем главный тост — была бы Вера,
а с ней Надежда и Любовь!

* * *

Из тульских засек голос мой не слышен,
московский гул взрывает небосвод,

но, невзирая на него, не буду тише,
я должен делать все наоборот!

* * *

Я не хочу, и я не буду скоморохом,
на сцене жизни развлекающим богов...!
Пусть мой фальшивый вздох
последним станет вдохом,
а слово нежности — любимейшим из слов!

* * *

Уходит, убегает, улетает, убывает
все то, что невзначай
объединяло нас.
И вот уж волчьим воем завывает, заывает
шальная грусть
твоих тревожных глаз.

* * *

Нельзя из прошлого уйти, его не руша.
Оно вцепилось навсегда и в плоть и в кровь.
Так разлетаются впотьмах тела и души,
а слиться в целое уже не могут вновь...

* * *

Ты, чей по жизни не запятнан след,
за кем грехов и не было, и нет.
Ты так хотел в святые обратиться,
но получил плевков судьбы вослед.

ЭПИТАФИИ

Я не ушел от жизненных невзгод.
Мои родные, с вами я навечно!
Пусть каждый без меня прожитый год
дарует вам покой и бесконечность!

* * *

Тобой обретено спокойствие навек,
а нам осталась грусть воспоминаний.
Ты был любимый нами человек,
ты есть, ты будешь, как и раньше, с нами.

* * *

Над смертью вечность торжествует —
в нас память вечная живет!

* * *

Наш памятник тебе из чистых слез любви
окаменел от горя и страданий,
покров гранитный стонет от рыданий...
Сквозь скорбь и смерть — прости нас, и живи!

* * *

Воскресни в слове и явись!
Не торопись угаснуть снова!
Быть может, станет эта жизнь
ко всем нам менее сурова!

* * *

Спокойно спи! Твои труды
живут в сердцах, струящих ясность.
Готовы мы, презрев опасность,
искать поток живой воды.

* * *

Ты отдохни, усталость не тая!
Бессмертен прах, и духом мы едины.
Земля и небо — наши половины.
Мы вечны в бесконечьи бытия.

ПИВШЕМУ

Он бросил пить, но сволочью не стал.
Друзья его оставили в покое...
Благонамеренности рухнул пьедестал.
Он — начал пить! И умер... от запоя,

ЗАНУДЕ

Два дня счастливых родственникам дал:
когда родился он... и умирал...

РУКОВОДИТЕЛЮ

Где Он лежит, не место для стенаний:
в могиле — клад из ценных указаний.

НЕРАЗБОРЧИВОМУ В ДРУЗЬЯХ

Беду друзей всегда считал своей.
И умер — при содействии друзей.

УШЕДШЕМУ

Ушел от нас в одну из высших сфер
наш друг, достойный лучшего участия,

по жизни и по духу инженер,
которому не улыбнулось счастье!

Он взял из прошлого достойный капитал:
он много дал и очень мало взял!

ЧЕРНСКАЯ НОЧЬ

Чернская, черная, чертова ночь
чавкает осенью стылой...
Дождь не стихает... и сердцу невмочь
биться с удвоенной силой.

Ветер свивает рулады баллад
в хлестко-косматую небыль...
Хлопает жизни промокший наряд
тряпкой по грустному небу.

Так и уходит пустая молва
с истиной рядом — в былое...
Мокнут надежды, сыреют слова,
нет ни тепла, ни покоя...

Чернская, черная, тайная ночь
в сердце моем — до заката.
Только она мне сумеет помочь
сделать судьбу, как когда-то...

КОФЕ С МОРОЖЕНЫМ

Пью глотком настороженным
горечь наших невзгод:
черный кофе с мороженым —
угли ада и лед.

Черный кофе с мороженым —
снеговой аромат,
ловит рот перекошенный
холод прошлых утрат.

Сквозь улыбку миндалится
сласть грядущих побед,
жаркой тьмою оплавится
замороженный свет.

Просыпаюсь встревоженно,
пробуждёнью не рад.
Черный кофе с мороженым —
белой ночи наряд.

ПРИМЕТА

Пока у вишни лист не опадет,
на землю снег не ляжет, не закроет
осенней грязи зябкие следы
на лужах звонко-мерзнущей слюды,
и только ветер безутешно воет,
пока у вишни лист не опадет.
Пока у вишни лист не опадет,
напрасно мы вверяемся надежде,
что скоро снег былое запуржит,
зима судьбу судьбой заморозит,
нет, все пока останется, как прежде,
пока у вишни лист не опадет.

Пока у вишни лист не опадет,
ни в чьи слова я больше не поверю.
Как неизбежность: правда и навет
сосуществуют в гонке наших лет,
а в истину, увы, закрыты двери,
пока у вишни лист не опадет.

Александр Волин
(г. Кратово, Московской обл.)

PERSONALIA

Член Творческого клуба «Московский Парнас», автор многих поэтических книг, доктор технических наук, Заслуженный деятель науки РФ.

Раньше я летал отчаянно
В голубых просторах сна...
Что теперь — со мной, с ночами ли?
Вдруг приснилось: я — сосна.
Я расту в лесу меж соснами,
Строен, зелен и ветвист,
Отстраненно, неосознанно
Я смотрю на землю вниз,
И расту себе на зависть я,
А земля — в началах вся!
И, начавшись в нежной завязи,
Шишки спелые висят
И трещат в тиши чешуйками,
Осыпаясь на весу,
И уже встречаю — шутка ли?
Сорок первую весну.
И уже сухими сучьями
Увядает низ ствола;
Но шумлю ветвями сочными
На верхушке, где смола,
Вытекая вместе с временем,
Плачет в трещинах ветвей.
Я смотрю высоким зрением
В землю милую, ведь в ней
Все начала и кончаются,
Обновляя жизнь в лесу.
Столько лет уже качаюсь я,
Осыпаясь на весу
Пожелтевшими печалью
На густой зеленый мох.

Что теперь — со мной, с ночами ли?
Я всю ночь уснуть не мог...

* * *

Когда трещат дрова в камине,
И ветер воеет за стеной
Так, словно месяц не кормили
Собачью свору, а со мной
В притихшем загородном доме
Лишь кот, бутылка и стакан.
Расположившись поудобней,
Не поддаваясь пустякам,
Я улетаю в ближний космос
Сквозь дымоходную трубу.
Земные тяжесть, низость, косность
Здесь подпадают под табу;
Здесь квинтэссенция немая
Первична душам и умам,
Здесь я мгновенно понимаю
Все то, что вряд ли понимал
В земной безумной круговерти,
И даже мой любимый кот
(Вот в этом вы уж мне поверьте!)
Здесь рассуждает, но не пьет.

* * *

От срока жизни мотылька
До срока жизни попугая
Дистанция столь велика,
Что не случайно полагаем:
Срок жизни мотылька — лишь час,
Хотя, на самом деле, дольше.

От верхоглядства не лечась,
Мы, в рамках парадигмы той же,
Живем не дольше мотыльков
В сравненьи с вечностью земною.
А признак вечности таков:
Ничто не вечно под луною.

* * *

Возникают порой ощущения,
Что мне лет уже с гаком пятьсот,
Что рождаются муки душевные
Из космических черных пустот,
Что планеты немислимо дальние
Дарят мне голубые лучи
И таинственный гул мироздания
В голове перед утром звучит.

Подоплеку такой аномалии
Не раскроешь законным путем.
Чушь, конечно, и только. Но мало ли...
Надо все же проверить потом.

* * *

Мы так разительно отстали
От наших внуков и детей!
Но связи кровные остались,
Так что приходится терпеть
Насмешки, колкости, упреки
Скороговоркой, на ходу.
Да, мы отсталые, мы предки,
Но стоит лишь попасть в беду
Смышленным внукам или детям,
И наши акции растут.
Мы за детей всегда в ответе,
Как часовые на посту.

* * *

Ты, красивая и молодая,
Фотографией девять на шесть
На стене висишь, наблюдая
За неведомой жизнью нашей.

Жизнь такой отчужденной стала,
Так печально, невыносимо
В грузном дядьке, седом и старом,
Узнавать любимого сына.

Ты печальна, милая мама,
Ты этюд красоты осенней.
Почему ты жила так мало
И так мало знаешь о сыне?

Если я чего-то и стою,
То спасибо тебе, родная!
Головой усталой, седею
Я в сердцах к стене припадаю,

К фотографии в рамке, той же,
Что на сером камне могильном.
Ищу Тебя, Господи Боже!
Мама, милая, помоги мне!

* * *

Сосны, солнцем освещенные,
Грусть невенчаных берез —
Сторона моя священная,
Где родился я и рос,
Где стихи слагал и песенки,
Где любовь и труд познал!
Здесь на пне — моем ровеснике
Засиделся допоздна,
Жизни радуясь пока еще,

И уже грустя о ней,
А в темнеющей, смолкающей,
Уходящей стороне
Точка светлая останется,
Как спасительный маяк;
На него небесной странницей
Прилетит душа моя,
Все, что в жизни не досказано,
Здесь доскажет, допоеет;
И услышит голос сказочный
Чуткий будущий поэт
В миг духовного общения,
Вроде вольтовой дуги...

Сторона моя священная,
Будь священной для других!

